

*Богатырёва В.А.\**

**«МАССОВОЕ» И «ЭЛИТАРНОЕ» В ЛИТЕРАТУРЕ  
ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ РУБЕЖА XIX–XX вв. ©**

*Аннотация.* В статье рассматриваются явления массовой и элитарной культуры в литературе Германии и Австрии на рубеже XIX–XX вв. Значительные изменения, происходившие в обществе и культуре в этот исторический период, нашли свое воплощение как в элитарных, так и в массовых проявлениях социокультурной реальности. Германия и Австрия, будучи вовлеченными в общеевропейский контекст, выработали ряд уникальных национальных особенностей. Несмотря на качественные противоречия, заложенные в самом понимании «массового» и «элитарного», оба типа культуры стали выразителями генеральных идей эпохи fin de siècle.

*Ключевые слова:* массовая культура; элитарная культура; немецкая литература; австрийская литература; рубеж веков; fin de siècle.

Поступила: 27.04.2022 Принята к печати: 19.05.2022

---

*\*Богатырёва Валерия Артёмовна – аспирант Белорусского государственного университета, факультета социокультурных коммуникаций, кафедры культурологии, Минск, Республика Беларусь, e-mail: vernikovskayava@yandex.ru*

*Bogatyreva Valeriya Artemovna – postgraduate student at the Belarusian State University, Faculty of social and cultural communications, cultural studies dept., Minsk, Republic of Belarus, e-mail: vernikovskayava@yandex.ru*

© Богатырёва В.А.

**Bogatyreva V.A.**

**The «mass» and the «elite» in the literature of Germany and Austria  
at the turn of the XIX–XX centuries**

*Abstract.* The article examines the phenomena of mass and elite culture in literature of Germany and Austria at the turn of the XIX–XX centuries. Significant changes that took place in society and culture during this historical period were reflected in both elite and mass manifestations of social and cultural reality. Germany and Austria, while embedded in a pan-European context, developed a number of unique national characteristics. Despite the qualitative contradictions inherent in the very notion of the «mass» and the «elite», both types of culture became expressions of the general ideas of the fin de siècle.

*Keywords:* mass culture, elite culture, German literature, Austrian literature, turn of the centuries, fin de siècle.

Received: 27.04.2022

Accepted: 19.05.2022

Взаимоотношение массовой и элитарной культур, а также их отдельных элементов, их взаимодействие и взаимопроникновение, часто становятся объектами исследований ученых из самых разных областей гуманитарных наук. Однако в условиях постоянных культурных трансформаций и изменений в функциях каждого типа культуры возрастает необходимость их уточнения и переосмысления. Кроме того, национальные варианты массовой и элитарной культур часто остаются в стороне от объектива исследователей.

С каждым новым витком истории массы все сильнее заявляют о себе, проникая во все сферы социокультурной реальности. В современную эпоху информации и коммуникации границы между массовой и элитарной культурой становятся все менее заметными. Этому способствует также плюрализм идеологий и подходов к осмыслению феноменов. Однако необходимость пояснения механизмов взаимодействия двух типов культур становится довольно острой. Несмотря на то что явления «массового» и «элитарного» носят довольно космополитичный характер, каждый тип культуры имеет яркие национальные особенности.

На рубеже XIX–XX вв. переосмысление понятий личности и общества, переоценка традиционной системы ценностей привела к потребности разграничивать «элитарное» и «массовое». Тенденция к «омассовлению» общества и культуры подвергалась философско-критическому осмыслению и рассматривалась как симптом упадка европейской цивилизации. В Германии и Австрии зародились первые элитарные философские теории (Ф. Ницше, З. Фрейд, О. Шпенглер, А. Шопенгауэр), которые приобрели большую популярность по всей Европе и за ее пределами, а также стали своеобразным маркером времени. Массовая культура, поставленная в оппозицию к элитарной, воспринималась как символ «заката» или упадка цивилизации Запада. Основоположниками таких интерпретаций можно считать Артура Шопенгауэра (Arthur Schopenhauer) и Фридриха Ницше (Friedrich Nietzsche).

А. Шопенгауэр в своей работе «Мир как воля и представление» (*Die Welt als Wille und Vorstellung*) описывал следующую социологическую дихотомию: «людей гения» и «людей пользы». Философ видел оппозицию в эстетической и практической деятельности человека. Он писал: «Прекрасное соединяется с полезным», следовательно «сравнивать людей пользы с людьми гения – это все равно, что сравнивать кирпичи с бриллиантами» [Шопенгауэр, 1998, с. 338]. Ф. Ницше полагал, что «массовое» – порождение христианской морали. В своем знаменитом труде «Так говорил Заратустра» (*Also sprach Zarathustra*) философ критикует утилитарную направленность морали «среднего» человека («человека массы»): «Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя. <...> Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. <...> Они еще трудятся, ибо труд – развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их. Не будет более ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотно» [Ницше, 1990, с. 14].

В противовес элитарным концепциям, философия позитивизма стала той базой, на которой формировалась массовая культура рубежа веков. Вульгаризированные и популистские интерпретации социального дарвинизма Г. Спенсера стали основанием для дальнейшей политики колониальной экспансии и расизма. В художественном творчестве идеи позитивизма были восприняты и осмыслены в натурализме.

Натуралистический подход в искусстве основывался на стремлении изображать современность, пользуясь методами научного познания. Натуралисты обличали уродство и жестокость окружающей действительности, обращались к социальной проблематике (лирика А. Хольца, Р. Дёмея, драматургия Г. Гауптманна). Немецкий натурализм имел существенное отличие от европейского: «Национальная немецкая традиция естественным образом входит в противоречие с принципами научности, которые провозгласил французский натурализм. Для братьев Гарт “правда” Золя оказывается невыносимой без “пропитанной поэзией” правды Гёте», – пишет Т.В. Кудрявцева [Кудрявцева, 2016, с. 91]. Для немецких натуралистов естественнонаучные принципы в эстетике не мыслились без «высокого идеализма», «самодостаточного национализма» и «глубоко проникновенной чувственности» [Кудрявцева, 2016, с. 91–92].

Так, философия стала индикатором важного социокультурного процесса эпохи – процесса становления массовой и элитарной культур. На рубеже XIX–XX вв. происходят значительные изменения в обществе и в культуре, происходит слом одной картины мира и формирование другой. Появляются новые формы и виды культуры. Рубеж веков, эпоха *fin de siècle*, характеризуется противоречивостью, переходностью, особым внутренним трагизмом, эсхатологическими настроениями, ощущениями «конца истории» и «конца времен». В это время происходят изменения в художественном и культурном сознании, наблюдается перекодировка устоявшихся смыслов и форм культуры.

Укрепление роли массовой культуры в обществе Германии и Австрии связано, прежде всего, с общеевропейскими тенденциями к «массовизации», индустриализации, технологизации, а также с необходимостью «ответа» на распространение элитарных философских и художественных концепций. В обществе появляется «средний класс», возрастает необходимость в развлекательном, «легком» искусстве. На рубеже XIX–XX вв. «массовое» нашло свое отражение, прежде всего, в литературном творчестве.

Массовая литература достаточно универсальный, но вместе с тем условный термин. Он охватывает самые разные виды литературы. Под «массовой» может пониматься и «тривиальная», и популярная литература, и бестселлеры, и тексты низкой художественной ценности.

Т.В. Кудрявцева отмечает, что «в разряд массовой литературы, предназначенной для широкой читательской аудитории, выполняющей непременно функцию “развлечения”, часто связанную с идеологическими, воспитательными и другими задачами общего либо группового социального, идеологического заказа, могут попасть произведения как высокохудожественные, так и низкопробные» [Кудрявцева, 2016, с. 430]. М.А. Черняк видит связь в размежевании массовой и элитарной литературы с «качественно новым существованием литературы в условиях индустриального общества и с концом существования письменности в закрытых салонах и академических кружках» [Черняк, 2009, с. 14]. Таким образом, при всей многозначности термина, можно выделить ряд его характерных особенностей. Так, массовая литература ориентирована на «развлечение», предназначена для широкого круга читателей и соответствует господствующей идеологии. Ряд исследователей (М.А. Черняк, Н.А. Хренов, Б.М. Эйхенбаум, М.Н. Эпштейн) связывают становление массовой литературы с особой категорией «переходности». Рубеж XIX–XX вв. также имеет все признаки «переходной» эпохи. В этот период происходит слом старых культурных парадигм и формирование новых и, как следствие, интенсификация культурных процессов и смена художественно-эстетических координат. Все это приводит к «борьбе» противоположностей в культуре: «с одной стороны, “элитарное” искусство, ориентированное на усложнение языка, поиск нового экспериментального кода, а с другой – искусство, ориентированное на массовые формы художественного мышления», – пишет М.А. Черняк [Черняк, 2009, с. 28]. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. происходит «культурный взрыв» (Лотман), породивший множество противоположных тенденций в культуре. Элитарная и массовая культуры, являясь противоположными по своей сути, по-разному отражают основные тенденции определенной эпохи.

В Германии и Австрии проявление «массового» и «элитарного» в литературе и в культуре имело ряд уникальных национальных особенностей. Участие масс в культурной жизни Германии связано, прежде всего, с реформами образования, сделавшими его доступным для широких слоев населения [Sagarra, 1977]. Массовая литература начинает завоевывать своего читателя. Как отмечает Т.В. Кудрявцева, «по мере трансформации реализма на рубеже XIX–XX вв. главные

произведения массовой литературы переместились в лоно неоромантической и почвеннической литературы» [Кудрявцева, 2016, с. 431]. Здесь на первый план выходят идиллические описания природы немецких деревень, нравов и обычаев их жителей. Быстрые темпы роста городов обусловили читательскую потребность в текстах, посвященных «старой доброй Германии», через которые читатель мог идентифицировать себя в пространстве немецкой культуры, установить свою связь с предками. В массовой литературе того времени такие идеи нашли отражение в романах Густава Френссена (Gustav Frenssen), Людвига Альберта Гангхофера (Ludwig Albert Ganghofer), Пауля Гейзе (Paul Heyse). Здесь можно говорить о своеобразном эскапизме – испытывая страх перед жизнью в большом городе, человек стремился «сбежать» в идеализированную жизнь простых крестьян.

Осмысление процессов урбанизации на рубеже веков имело и другие проявления. Бельгийский поэт Э. Верхарн задал особую парадигму понимания «города-спрута» как зловещего и враждебного места. Немецкоязычные авторы также обращались к подобной теме. Например, знаменитый австрийский поэт Райнер Мария Рильке (Rainer Maria Rilke) писал: «Господь, большие города / уже потеряны навеки; / здесь злые, пламенные реки / надежду гасят в человеке, / здесь время гибнет без следа» (пер. Т. Сильман) [Рильке, 1965, с. 90]. Другой австрийский поэт Георг Тракль (Georg Trakl) также воспринимал город как враждебную среду для личности и для культуры: «О сумасшедший город, где вечером / У черной стены замирают увечные липы, / Где из серебряной маски смотрят глаза недоброго духа, / Где за каменной ночью гонится свет, сжимая магнитный бич, / О подводный гул колоколен...» (пер. Г. Ратгауза) [Тракль, 2000, с. 241].

Так, и массовая, и элитарная литературы воспринимали происходящие процессы урбанизации, но подходили к этому по-разному. Если в массовой литературе преобладало идиллическое описание природы, крестьянского быта как способа национальной самоидентификации, то в элитарной литературе демонстрируются тревоги и страхи человека, связанные с осмыслением цивилизационного прогресса и роста городов. Таким образом, элитарная литература не ищет способа определять национальную принадлежность своего реципиента, но пытается предупредить его об ужасах, таящихся вокруг.

Особой популярностью на рубеже веков пользовались колониальные романы. Как отмечает Т.В. Кудрявцева, «тот “имперский” дух, которым будет проникнута значительная часть массовой литературы вплоть до краха национал-социализма в 1945 г.» [Кудрявцева, 2016, с. 18], возникает на волне патриотических настроений, связанных с объединением Германии и победой во Франко-прусской войне. Колониальная литература в Германии имела большое значение для массовой культуры. Общественная ассоциация «Друзья колоний» (Bund der Kolonialfreunde) существовала при Имперском колониальном управлении (Reichskolonialamt) с 1874 по 1942 г. Ассоциация распространяла свои взгляды через литературу и СМИ. Известно, что статьи «Друзей колоний» печатались в журналах для образованного среднего класса, например, в «Ежемесячнике Вестерманна» (Westermanns Monatshefte), «Домой» (Daheim), «Вера» (Der Glaube). Кроме того, ассоциация позже стала выпускать свою собственную газету «Друг колоний» (Kolonialfreund, 1922–1936). Среди писателей из числа «Друзей колоний» стоит отметить Фриду фон Бюлов (Frieda von Bülow). Ее роман «Тропическая лихорадка. Зарисовки немецкой колониальной жизни» (Tropenkolle. Episode aus dem deutschen Kolonialleben) положил начало колониальной литературе на немецком языке. В отличие от других популярных романов этого жанра, «Тропическая лихорадка» не сводится к простой пропаганде колониализма. Персонажи романа, как европейцы, так и туземцы, наделены и положительными, и отрицательными качествами. Сам термин «тропическая лихорадка» Фрида фон Бюлов использует в ироничном ключе: как название для несуществующей болезни, которой в то время прикрывались колонизаторы, оправдывая насилие по отношению к коренному населению. Однако при всей художественной нетипичности творчество фон Бюлов вписывается в парадигму колониальной идеологии Германии конца XIX – начала XX в. Среди писателей из числа «Друзей колоний» имел успех также Г. Френссен и его роман «Путешествие Петера Моора на Юго-Запад» (Peter Moors Fahrt nach Südwest). Роман изобилует расистскими атрибутами и, по сути, оправдывает геноцид племен гереро и нама (1904–1908). Т.В. Кудрявцева пишет: «жестокость и насилие, <...> полностью оправданы с точки зрения господствовавших представлений о превосходстве белой расы. Подростающее поколение воспитывалось в “ценностях” геноцида, которые сполнагодились

в Первой и Второй мировых войнах» [Кудрявцева, 2016, с. 442]. Колониальные романы отразили и по-своему проинтерпретировали важную парадигму для зарождающейся культуры XX в.: парадигму взаимоотношений между «своим» и «чужим». Через такую дихотомию Германская империя конструировала свою национальную идентичность. Можно сделать вывод, что в массовой культуре взаимоотношения «свой» и «чужой» имели внешний характер и соотносились с категориями «европейский» и «неевропейский», «цивилизованный» и «дикий», «традиционный» и «экзотичный».

Колониальная тематика нашла свое воплощение и у представителей «высокой литературы». Здесь следует отметить книгу Петера Альтенберга (Peter Altenberg) «Ашанти» (Ashantee). Она представляет собой сборник автобиографических эссе в стиле импрессионистских зарисовок. Писатель повествует о своей дружбе с представителями народа ашанти. Альтенберг посвятил книгу своим «черным подругам, незабываемым “Райским Людям”» («meinen schwarzen Freundinnen, den unvergesslichen “Paradies-Menschen”») (*здесь и далее подстрочный перевод наш.* – В. Б.) [цит. по: Kim, 2005].

Альтенберг подверг жесткой критике отношение «цивилизованных» австрийцев к представителям другой расы. Он подчеркивал недопустимость использования их в качестве живых экспонатов (Ausstellungsobjekte) во время этнографической выставки в Вене в 1896 г. Он также стремился показать европейцам, что границы категорий «свой – чужой» могут и должны быть раздвинуты: «Mache nur nicht gleich solche Abgründe zwischen uns und ihnen. <...> Glaubst Du, weil das dumme Volk sich über sie stellt, sie behandelt wie exotische Tiere?! Warum?! Weil ihre Epidermis dunkle Pigment-Zellen enthält?» («Не делай такой пропасти между нами и ими. <...> Думаешь, почему глупцы ставят себя выше них, относятся к ним как к экзотическим животным? Почему? Не потому ли, что их эпидермис содержит черный пигмент?») [цит. по: Kim, 2005].

Р.М. Рильке также посвятил стихотворение народу ашанти: «В клетке зверь верней себе и зорче; / ходит он, как будто ворожит, / и всемирной не подвержен порче, / видит вещи, но не дорожит / он чужим, и как бы ни пытался / пламень свой таить он в тишине, / со своей великой зверь остался кровью только здесь наедине» (пер. В. Микушевича) [Рильке, 2018, с. 37]. Образ зверя, вырванного из своей среды обита-

ния и помещенного «цивилизованным» человеком в клетку, встречается и в стихотворении «Пантера» (Der Panther): «Ступает хищник мягко и упруго. / Нет выхода. Вселенная мала. / Так сила в танце мечется по кругу, / где в самом центре воля замерла» (пер. В. Микушевича) [Рильке, 2018, с. 159]. Примечательно, что Рильке видит в «чужом» того, кто смог приблизиться к чистому, «настоящему» бытию («всемирной не подвержен порче», «видит вещи», «Так сила в танце мечется»). Цивилизация отвращает человека от «подлинного» бытия и превращает его носителей в атрибут массового развлечения, как и ашанти были превращены в выставочные объекты.

В интроспективно-субъективистских направлениях рубежа веков осмысление категории «чужести», «чужого», «чужака» по-своему воплотились в поэзии экспрессионизма. Н.В. Пестова в своей работе «Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести» писала: «В той или иной форме тема чужести, чуждого или чужака вынесена в десятки заглавий стихов и конструирует чуждые пространства, времена; разделяет и разводит по разным сферам обитания субъекты и объекты» [Пестова, 1999, с. 59]. В экспрессионистской лирике ощущение своей чужеродности накладывается на надличностные пласты восприятия окружающего мира. «Чужой» здесь не только «я» или лирическое «альтер-эго», но и душа как вместилище творчества.

Образ чужестранца-пришельца часто встречается в поэзии Г. Тракля. Однако его понимание «чужести» тесно связано с ощущением потерянности, неприкаянности. В стихотворении «Гелиан» (Helian) он пишет: «В час вечерней звезды потерялся чужак в ноябрьском распаде» (пер. В. Топорова) [Тракль, 2000, с. 560]. Для Тракля, который во многом задал парадигму развития экспрессионистской лирики, осмысление категории «чужого» предстает на разных уровнях. Для него это и процесс самоидентификации – восприятие себя, своего лирического «я» как чужого, и более глобальный, надличностный процесс. В стихотворении «Весна души» (Frühling der Seele) поэт пишет: «Здесь душа чужестранка» (пер. О. Татариновой) [там же, с. 275]. Душа поэта (творца культуры) не отвечает никаким идентификационным критериям, она чужая для этого мира. Только осознавая себя «чужаком», можно постичь неизвестную, скрытую (или бессознательную) часть себя, а также прикоснуться к трансцендентному.

Осмысляла себя как «чужака» и немецкая поэтесса Эльза Ласкер-Шюллер. В стихотворении «Сенна Гой» (Senna-Hoy) она писала: «И я стала чужой / И совсем непонятной для наших друзей» (пер. Г. Ратгауза) [Германский Орфей, 1993, с. 187]. Эльза Ласкер-Шюллер, по словам Курта Пинтуса (Kurt Pinthus), стала первой, кто «позволил человеку быть сердцем» («läßt als Erste den Menschen ganz Herz sein») [Pinthus, 1920, S. 8]. Ее чувства и переживания о собственной «чужести» восходят к глубинному ощущению культурного пограничья, на котором и находится поэзия Ласкер-Шюллер. Поэтесса, по справедливому замечанию Г.В. Синило, «отчетливо ощущала локализацию своего творчества на границе культур, точнее свою принадлежность к сразу двум культурам – немецкой и еврейской» [Синило, 2016, с. 617].

Ощущения собственной инородности, бесприютности, страха и бессилия перед всем «массовым», неумолимо захватывающим все культурное пространство, накладывают отпечаток меланхолии и тоски на экспрессионистскую лирику. К. Пинтус в своей знаменитой антологии «Сумерки человечества» (Menschheitsdämmerung) писал: «Doch schon fühlten die gereizten und überempfindlichen Nerven und Seelen dieser Dichter deutlich auf der einen Seite das dumpfe Heranrücken der liebe- und freudeberaubten proletarischen Massen, von der andern Seite den heranrollenden Zusammenbruch einer Menschheit, die ebenso hochmütig wie gleichgültig war» («Но уже раздраженные и сверхчувствительные нервы и души этих поэтов ясно ощущали, с одной стороны, тупое приближение пролетарских масс, лишенных любви и радости, а с другой – приближение краха человечества, столь же надменного, сколь и равнодушного») [Pinthus, 1920, S. 10]. Так проявляется образ *sehnsüchtigen Verdammten* – тоскующих проклятых (Пинтус). Недовольство всем массовым, порыв или «прорыв» к трансцендентному сделали экспрессионизм одной из главных эмблем эпохи.

Взаимодействие «массового» и «элитарного» также нашло свое отражение в новом для Германии и Австрии того времени виде искусства – кабаре. Идея создать в Германии кабаре на французский манер восходит приблизительно к 1895 г. [Segel, 1977, p. 44]. Барон Эрнст фон Вольцоген (Ernst von Wolzogen), вдохновленный романом Отто Юлиуса Бирбаума (Otto Julius Bierbaum) «Штильпе. Роман с точки зрения лягушки» (Stilpe. Roman aus der Froschperspektive), собирался учредить кабаре в Германии еще в 1899 г., но ему удалось это сделать

только в 1901. Кабаре получило название «Убербретль» (Überbrettl), и это слово с тех пор стало жанровым наименованием кабаре в Германии. Будучи страстным поклонником Ницше (его бюст даже украшал заведение), Вольцоген на своей сцене стремился воплотить концепцию «Сверхчеловека» (дословный перевод названия также коррелирует с идеями Ницше – «Сверхсцена», или «Сверхбалаганчик»), свободного от устаревшей буржуазной морали. Ю.В. Каминская пишет: «...кабаре представляло собой своеобразную, завуалированную реакцию искусства на гнет общественных ожиданий, ответ художников, исполненный самоиронии и иронии по отношению к обывателям, выражение невозможности и нежелания соответствовать классическим представлениям об искусстве как посреднике между миром людей и идеалом» [Каминская, 2016, с. 481]. Кабаре выполняло важнейшую для массовой культуры функцию – развлечение своего зрителя. На рубеже веков, когда человек, по выражению М. Бубера, ощущает себя «как в диком поле», возможность развлечения и в особенности развлечения коллективного, становится очень важной. Кабаре позволяло отвлечься от каждодневных забот и погрузиться в мир юмора и сатиры. Здесь предоставлялась возможность посмеяться над пугающей реальностью. Поэзия кабарелистов, откликающаяся на вызовы повседневности, получила название «прикладной лирики», или «песни кабаре» (Brettli-Lieder) [Каминская, 2016]. Капельмейстер Überbrettl композитор Арнольд Шенберг (Arnold Schoenberg) сочинял свои Brettli-Lieder на стихи известных поэтов-кабарелистов: О. Бирбаума, Ф. Ведекинда (F. Wedekind), Х. Салуса (H. Salus), Г. Хохштеттера (G. Hochstetter). Их стихотворения отличает резкая критика и неприятие ханжеской буржуазной морали и образа жизни богатых немецких бюргеров. И поэты, и композитор стараются достичь максимального пародийного эффекта. Каждое стихотворение пародирует определенный музыкальный жанр: «Гигерлетта» – польку, «Неприхотливый любовник» – баркаролу, «Назидание» – вальс, «Каждому свое» и «Луна-тик» – полонез.

Стихотворения полны насмешки и иронии. С одной стороны, авторы иронизируют по поводу лицемерного ханжества среднестатистических бюргеров, с другой – над представителями так называемого «высокого искусства». Ю.В. Каминская отмечает: «Подобно мебели в стиле модерн или авангардистской посуде, “прикладная лирика” свидетель-

ствуется об особенно активных попытках искусства высвободить эстетический принцип из ограниченного пространства традиционной художественной практики и напрямую переместить его в сферу обыденной жизни» [Каминская, 2016, с. 483]. Brettli-Lieder провозглашают обыденность искусством. Однако кабареисты не столько фокусируются на быте, сколько отчуждают его, помещая в рамки искусства. Они посмеиваются над представителями элитарного искусства и их призывами отринуть все мирское, удалиться в «башню из слоновой кости» и посвятить жизнь «служению муз». Г. Хохштеттер в стихотворении *Mahnung* («Предостережение») писал: «Mädel, Mädel, sei nicht dumm, / Lauf nichtwieim Traumherum, / Augenauf! ob einer kommt, / Der dir recht zum Manne frommt» («Девочка, девочка, не будь дурочкой, / Не ходи, как во сне, / Открой глаза! Если придет тот, / Кто пообещает тебе быть мужчиной») [The Book of Lieder, 2005].

Помимо кабаре, в конце XIX в. в Германию пришло варьете. Главными особенностями его были легкость, быстрая смена номеров, юмор. Ю.В. Каминская указывает, что именно легкость, быстрота и многообразие сделали варьете привлекательным для публики, «не желавшей надолго сосредоточиваться на одном, требовавшей все новых и новых впечатлений» [Каминская, 2016, с. 485]. В этом варьете походило на кабаре, в особенности в его ранних формах, где наблюдались преемственность и параллелизм. От варьете кабаре позаимствовало принципы организации вечеров, однако кабаре стремились преодолеть только развлекательную функцию и «создать условия для того, чтобы зритель чувствовал себя не анонимным потребителем, а высоко ценимой индивидуальностью, активно участвующей в происходящем на сцене» [там же, с. 485]. Такой подход достаточно примечателен и идет вразрез с классическим пониманием взаимоотношений «культурный продукт – потребитель» в массовой культуре. К примеру, Т. Адорно и М. Хоркхаймер отмечали, что «культурные фабрикаты» в индустриальном обществе имеют способность подчинять себе внимание потребителя и «построены таким образом, что, хотя для их адекватного восприятия и требуется схватывать все быстро и аккуратно, быть наблюдательным и сведущим, именно мыслительную активность воспрещают они тому зрителю, который не хочет ничего упустить из проносящегося перед его взором потока фактов» [Адорно, Хоркхаймер, 2016, с. 48]. Следовательно, можно отметить некоторое concep-

туальное расхождение во взаимоотношениях внутри массовой культуры в период ее формирования на рубеже XIX–XX вв. Как и во Франции, в Германии кабаре стали символом соединения масс и элит: здесь могли пересекаться пути министров и бездомных, модных художников и уличных торговцев.

Таким образом, можно сделать вывод, что массовая культура немецкоязычного социокультурного ареала рубежа веков была нацелена на построение новых связей и предпринимала попытки вписать человека в «новую реальность» эпохи. Кроме того, массовая культура Германии и Австрии развлекала и отвлекала своего потребителя, что вписывается в общемировую парадигму «массового». Элитарная же литература и культура делает упор на глубинное осознание «чужести» человека окружающему его бытию и тяготеет к эскапизму и «осознанному» трагизму. Элитарная культура, направленная на внутренний мир, указывает человеку на глубинные противоречия и трагическую антинормичность бытия. Однако и «массовое», и «элитарное» сходятся в одном – в попытке контекстуализировать человека в культуре, через развлечение, игру или же через глубинное осмысление собственной чужеродности. Массовая и элитарная культуры, по сути, стали ответом на кризис буржуазного общества, его моральных ценностей и норм. Здесь также нашел свое воплощение кризис идеалов Просвещения, свойственный общеевропейской парадигме эпохи *fin de siècle*.

Так, массовая и элитарная литературы не всегда являются противоборствующими сторонами, а, скорее, по-разному расставляют акценты на волнующих вопросах. Проявление «массового» и «элитарного» в немецкоязычных литературах показывает, что эти явления можно считать «симптомами» духа времени.

### **Список литературы**

- Адорно Т., Хоркхаймер М.* Культурная индустрия: просвещение как способ обмана масс / пер. с нем. Т. Зборовская. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 103 с.
- Германский Орфей: поэты Германии и Австрии XVIII–XX веков: на нем. и рус. яз. / вступ. ст., пер., сост., примеч. Г.И. Ратгауза. – Москва : Книга, 1993. – 445 с.
- Каминская Ю.В.* Литературные формы кабаре до 1918 года // История литературы Германии XX века. Кн. I / отв. ред. Д.В. Седельник, Т.В. Кудрявцева. – Москва : ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 1. – С. 480–497.

*Кудрявцева Т.В.* Литературный процесс в Германии на рубеже XIX–XX веков // История литературы Германии XX века / отв. ред. Д.В. Седельник, Т.В. Кудрявцева. – Москва : ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 1, кн. 1. – С. 17–35.

*Кудрявцева Т.В.* Массовая литература // История литературы Германии XX века / отв. ред. Д.В. Седельник, Т.В. Кудрявцева. – Москва : ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 1, кн. 1. – С. 430–448.

*Кудрявцева Т.В.* Натурализм // История литературы Германии XX века / отв. ред. Д.В. Седельник, Т.В. Кудрявцева. – Москва : ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 1, кн. 1. – С. 90–105.

*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. В.В. Рынкевича. – Москва : Интербук, 1990. – 301 с.

*Пестова Н.В.* Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. – Екатеринбург, 1999. – 463 с. – URL: <http://elar.uspu.ru/handle/uspu/5966>.

*Рильке Р.М.* Лирика / пер. с нем. Т. Сильман. – Москва : Художественная литература, 1965. – 254 с.

*Рильке Р.М.* Поздняя осень в Венеции / пер. с нем. В. Микушевича. – Санкт-Петербург : Азбука, 2018. – 416 с.

*Синило Г.В.* Эльза Ласкер-Шюллер // История литературы Германии XX века / отв. ред. Д.В. Седельник, Т.В. Кудрявцева. – Москва : ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 1, кн. 1. – С. 617–638.

*Траклъ Г.* Стихотворения. Проза. Письма / сост. и ред. А. Белобратова. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2000. – 640 с.

*Черняк М.А.* Массовая литература XX века : учебное пособие. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 428 с.

*Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю.И. Айхенвальда [и др.]. – Минск : Фирма «Литература», 1998. – 1405 с.

*Kim D.D.* The Task of the Loving Translator: Translation, Völkerschauen, and Colonial Ambivalence in Peter Altenberg's Ashantee (1897) // Transit. – 2005. – № 2. – URL: <https://transit.berkeley.edu/2006/kim/>.

*Pinthus K.* Zuvor // Menschheitsdämmerung. Symphoniejüngster Dichtung. – Berlin : Ernst Rowohl Verlag, 1920. – S. 5–17. – URL: <https://archive.org/details/menschheitsdmm00pintuoft/page/n1/mode/2up?ref=ol&view=theater>.

*Sagarra E.* Social history of Germany, 1648–1914. – New York : Holmes & Meier, 1977. – 473 p.

*Segel H.B.* Fin de Siecle Cabaret // Performing Arts Journal. – 1977. – № 1, Vol. 2. – P. 41–57. – URL: <https://www.jstor.org/stable/3244964>.

The Book of Lieder / transl. by R. Stockes, I. Bostridge. – London : Faber and Faber, 2005. – 713 p. – URL: <https://www.oxfordlieder.co.uk/song/2214>

## References

Adorno, T., Horkheimer, M. *Kul'turnaya Industriya: prosvetshenie kak sposob obmana mass* [The Culture Industry: Enlightenment as Mass Deception]. T. Zborovskaya (transl. from German). Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016. 103 p. (In Russ.)

*Germanskiiy Orfey: Poety Germanii I Avstrii XVIII–XX vekov: na nemetskom I russkom yazykah* [German Orpheus: Poets of Germany and Austria of the XVIII–XX centuries: in

German and Russian]. G.I. Ratgauz (intr., transl., ed. and notes). Moscow, Kniga Publ., 1993. 445 p. (In Russ. and Germ.)

Kaminskaya, Yu.V. Literaturnye formy kabare do 1918 goda [Literature form of cabaret before 1918]. In *History of German Literature of 20<sup>th</sup> century. Vol. 1*. D.V. Sedel'nik, T.V. Kudryavtseva (ed.). Moscow, IMLI RAN Publ., 2016, pp. 480–497. (In Russ.)

Kudryavtseva, T.V. Literaturniy protsess v Germanii na rubezhe XIX–XX vekov [Literary Process in Germany at the turn of the 19<sup>th</sup> – 20<sup>th</sup> centuries]. In *History of German Literature of 20<sup>th</sup> century. Vol. 1*. D.V. Sedel'nik, T.V. Kudryavtseva (ed.). Moscow, IMLI RAN Publ., 2016, pp. 17–35. (In Russ.)

Kudryavtseva, T.V. Massovaya literatura [Mass Literature]. In *History of German Literature of 20<sup>th</sup> century. Vol. 1*. D.V. Sedel'nik, T.V. Kudryavtseva (ed.). Moscow, IMLI RAN Publ., 2016, pp. 430–448. (In Russ.)

Kudryavtseva, T.V. Naturalizm [Naturalism]. In *History of German Literature of 20<sup>th</sup> century. Vol. 1*. D.V. Sedel'nik, T.V. Kudryavtseva (ed.). Moscow, IMLI RAN Publ., 2016, pp. 90–105. (In Russ.)

Nitzsche, F. *Tak govoril Zarathustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None]. V.V. Rynkevich (transl. from German). Moscow, Interbook Publ., 1990. 301 p. (In Russ.)

Pestova, N.V. *Lirika nemetskogo expressionizma: profile chuzhesti* [Lyrik of German Expressionism: Profiles of Alienation]. Ekaterinburg, 1999. 463 p. URL: <http://elar.uspu.ru/handle/uspu/5966>. (In Russ.)

Rilke, R.M. *Lyrics*. T. Silman (transl. from German). Moscow : Khudozhestvennaya Literatura, 1965. 254 p. (In Russ.)

Rilke, R.M. *Pozdniaya osen' v Venetsii* [Late Autumn in Venice]. V. Mikushevich (transl. from Germ.). Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2018. 416 p. (In Russ.)

Sinilo, G.V. Else Lasker-Schüller. In *History of German Literature of 20<sup>th</sup> century. Vol. 1*. D.V. Sedel'nik, T.V. Kudryavtseva (ed.). Moscow, IMLI RAN Publ., 2016, pp. 617–638. (In Russ.)

Trakl, G. *Stikhotvoreniya. Prosa. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. A. Belobratov (ed.). Saint Petersburg, Symposium Publ., 2000. 640 p. (In Russ. and Germ.)

Chernyak, M.A. *Massovaya literatura XX veka: uchebnoe posobie* [Mass Literature of XX century: Handbook]. Moscow, Flinta, Nauka Pubs., 2009. 428 p. (In Russ.)

Schopenhauer, A. *Mir kak volya I predstavleniye* [The World as Will and Representation]. Yu.I. Aikhenval'd and others (transl. from German). Minsk, Firma «Literatura» Publ., 1998. 1405 p. (In Russ.)

*The Book of Lieder*. R. Stocker, I. Bostridge (transl. from German) London, Faber and Faber Publ., 2005. 713 p. URL: <https://www.oxfordlieder.co.uk/song/2214>.

Kim, D.D. The Task of the Loving Translator: Translation, Völkerschauen, and Colonial Ambivalence in Peter Altenberg's Ashantee (1897). In *Transit, no. 2, vol. 1*, 2005. URL : <https://transit.berkeley.edu/2006/kim/>.

Pinthus, K. Zuvor. In *Menschheitsdämmerung. Symphoniejüngster Dichtung*. K. Pinthus (ed.). Berlin, Ernst Rowohl Verlag Publ., 1920. S. 5–17. URL: <https://archive.org/details/menschheitsdmm00pintuoft/page/n1/mode/2up?ref=ol&view=theater>. (In Germ.)

Sagarra, E. *Social history of Germany, 1648–1914*. New York, Holmes & Meier Publ., 1977. 473 p.

Segel, H.B. Fin de Siecle Cabaret. In *Performing Arts Journal*, vol. 2, no. 1, 1977. pp. 41–57. URL: <https://www.jstor.org/stable/3244964>.